

Небольсин Павел Иванович

**Заметки на пути из Петербурга в
Барнаул**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович Н.**
Заметки на пути из Петербурга в Барнаул / Небольсин Павел Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 252 с.

ISBN 978-5-519-98727-1

ISBN 978-5-519-98727-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАМѢТКИ НА ПУТИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ БАРНАУЛЪ.

I.

Выѣздъ изъ Петербурга. — Остановка въ Торжкѣ.

Изъ Петербурга можно достигнуть Tobольска тремя путями, и выборъ любого изъ нихъ представляетъ довольно-затруднительную задачу для предпринимающаго путешествіе въ Сибирь. Первый трактъ, главный, пролегаетъ чрезъ Москву и Нижній-Новгородъ на Пермь; второй — чрезъ Рыбинскъ, Ярославль и Вятку тоже на Пермь; третій — чрезъ Вологду, Устюгъ-Великій на Верхотурье прямо въ Tobольскъ.

Каждый изъ этихъ трактовъ имѣетъ свой особенный интересъ для охотника, любителя, имѣющаго и досугъ, и средства, и удобства располагать своимъ временемъ и посвящать его, ничѣмъ невозмущаемою наблюденію природы и людей того края, по которому онъ странствуетъ. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ только объ удобствахъ, возможномъ комфортѣ, возможной быстротѣ и возможномъ уничтоженіи всѣхъ доукъ страннической жизни, безъ всякихъ постороннихъ предположеній — тамъ выборъ не затруднителенъ: спокойный экипажъ, дешевизна и быстрота принуждаютъ большинство нашихъ туристовъ ѣхать на Москву и записываться въ «Отдѣленіи Почтовыхъ-Каретъ».

Такъ сдѣлалъ и я; и въ одинъ прекрасный полдень лѣта 1845 года «Демидовъ-Переулочъ» огласился торжественными звуками почтового рожка, возвѣщавшаго петербургскому міру объ отъѣздѣ экстра-почты.

Спутникомъ моимъ въ дорогѣ до Москвы былъ человѣкъ весьма-молчаливый.

Я первый старался прекратить томительное молчаніе, закуривъ сигару и замѣтивъ молчаливому сосѣду объ удовольствіи путешествовать, то-есть, ѣздить по дорогамъ лѣтомъ не въ жаркую погоду. Сосѣдъ долго мялся въ отвѣтахъ на вопросы и замѣчанія, которыми я рѣшился надобѣдать ему, чтобъ самому не умереть со скуки и тоски; наконецъ онъ сказалъ:

— Да, я много видѣлъ, много наблюдалъ и много вояжировалъ, по желѣзнымъ дорогамъ и моремъ; но, представьте себѣ, у меня никогда не хватало духу пуститься въ вояжъ по Россіи.

— Да отчего же-съ?

— Да такъ. Мнѣ предстоитъ теперь дорога въ Одессу, гдѣ мнѣ необходимо быть. Вотъ я волей-неволей и совершаю наконецъ путешествіе и знаю напередъ, что мнѣ и уснуть порядкомъ нигдѣ не удастся, и поголодать иногда прійдется, вмѣсто лошадей, запрягать воловъ подъ экипажъ, и тонуть въ грязяхъ, и мучиться съ хохлами, жиды меня съ ума сведутъ...

— Да вѣдь такова участь всякаго путешественника; за то эти ничтожныя огорченія, если онѣ и дѣйствительно будутъ, окупятся тысячью другихъ наслажденій. Вамъ этотъ край знакомъ?

— Впервые ѣду — а вы знаете, что у насъ почти нѣтъ никакихъ пособій для путешествія, кромѣ картъ и казенныхъ маршрутовъ.

— Но край, куда вы отправляетесь, давно описанъ...

— Помилуйте! Кто описалъ? и гдѣ? У насъ ни одного нѣтъ «Guide», а что и писано, такъ тоже подѣ сомнѣніемъ. Нѣтъ, я положилъ себѣ не вѣрить ничему, кромѣ собственныхъ наблюденій. Вотъ, напримѣръ, прїѣдемъ мы въ Новгородъ и прикажемъ кондуктору насъ ждать, а между-тѣмъ часа два-три и посвятимъ обзорѣнію города и историческимъ воспоминаніямъ...

— Но развѣ вы забыли, что мы ѣдемъ съ экстра-почтой?

— Нѣтъ, а что?

— Да мы будемъ въ Новгородѣ ночью: намъ дадутъ только полчаса отдыха, пока почта не разберется.

— А вотъ посмотримъ! У меня, сударь, есть талисманъ, что будь хоть разъ-экстра, такъ почтальионъ—покорнѣйшій мой слуга.

— Вы полагаете? Жестоко ошибетесь.

— Ну, вспомните мое слово: въ каждомъ городѣ, чрезъ который мы пройдемъ, два-три часа всегда будутъ къ нашимъ услугамъ.

Я не счелъ за нужное разувѣрять самоувѣреннаго сосѣда въ могуществѣ его талисмана и спокойно прекратилъ разговоръ, предавшись созерцанію природы.

Шоссейное полотно тянулось неизмѣримо и прямою нитью въ недосигаемую даль; края его живописно были обставлены тѣ превосходно-раскрашенными верстами, радушно бѣжавшими на встрѣчу путника, тѣ подобіемъ березокъ, лѣниво раскинувшихъ вѣтвистые сучки, съ которыхъ давнымъ-давно уже, спали всѣ листочки. По обѣимъ сторонамъ полотна дороги раскинулись сѣро-зеленыя болота и утомленный путникъ, тщетно ищеть вдали предмета, на которомъ могъ бы онъ остановить усталый взоръ свой или свои мысли. Одна, развѣ, далекая черта, едва-едва отдѣлявшая темно-сѣрую землю отъ свѣтло-сѣраго неба, могла навести фейлюсуфа на мысль о безграничности человѣческихъ желаній и вѣчной неблагодарности смертнаго къ природѣ, осыпающей его дарами.

Быстро летѣлъ экипажъ; столбы пыли, поднятые нашимъ поѣздомъ, смѣшанные съ благораствореніемъ благоуханныхъ болотъ, живоительно дѣйствовали на наши дыхательные органы; но поднять оконъ мы не хотѣли: напротивъ, мы хотѣли, принести и свою лепту въ даръ природѣ и ароматическій запахъ атмосферы наполняли клубами дыма отъ настоящихъ гаванскихъ сигаръ гамбургскаго издѣлія.

Глухой стукъ раздавался въ ушахъ отъ топота лошадей по крѣпкому грунту; шумъ колесъ и прїятные звизги желѣза по неубитому мѣстами щебию и по ненаѣзженнымъ колеямъ, радостно напоминали намъ про одиночество и скуку, которыя мы осуждены были бы терпѣть цѣлые двое сутокъ, еслибъ природа и умныя рѣчи сосѣда не сокращали долготы путешествія. По временамъ музыкальные напѣвы почтового рожка возбуждали у насъ минутные, но горячіе споры о томъ, подѣѣзжаемъ ли мы къ станціи или даемъ о себѣ знать ѣдущимъ впереди возамъ? Какая-то неземная радость слетала въ наши сердца, когда, наконецъ, приходила очередь остановиться на нѣсколько мгновеній для новой перекладки лошадей.

— Вотъ, видите, что значитъ ѣхать «нашему брату», остроумно замѣтилъ мой сосѣдъ: — кондукторъ такъ и гонить; въ лошадяхъ нѣтъ недостатка. И на-водку никто не смѣетъ просить.

— Да на этотъ счетъ можно отдать полную справедливость почтовымъ каретамъ—нигдѣ ни одной мнпуты лишней задержки, противъ толоженія; а въ Новѣгородѣ все-таки ннамъ дадутъ времени столько,

сколько нужно для того, чтобъ, не торопясь, съ удовольствіемъ напиться чаю и закусить на сонъ грядущій.

— Погодите еще, до Новгорода далеко, а мы тамъ займемся съ вами наблюденіями.

— Какія наблюденія? Чтобъ видѣть что-нибудь, а не однѣ городскія стѣны, надо пожить недѣлку-другую на мѣстѣ, сдѣлать знакомства, имѣть время ко всему присмотрѣться...

— Мало ли чего вы захотите.

Разговоръ нашъ прекратился, чѣмъ и закончились наши путевыя впечатлѣнія перваго дня, ознаменованнаго только обѣдомъ въ Поме-раньи; но описать этотъ обѣдъ у меня не хватаетъ умѣнья.

Среди ночи насъ разбудилъ докладъ кондуктора, что мы въ Новгородѣ и что можемъ предоставить себѣ полную свободу на извѣстное число минутъ.

Полусонные, не въ-время разбуженные, мы не-хотя вошли въ какія-то палаты съ серьезными портретами по стѣнамъ и съ салфетками на столахъ. Было далеко за-полночь, но собесѣдникъ мой по экипажу былъ очень-доволенъ, когда увидѣлъ, что здѣсь давно уже насъ какъ-будто поджидали и всѣ приказанія наши исполняли безъ замедленія, вѣроятно изъ уваженія къ «нашему брату».

Наблюденія и обзорѣнія были забыты: мы промѣняли ихъ на вкусный ужинъ. Совѣстно, однакожъ, было моему сосѣду; онъ обратился къ служителю, въ надеждѣ черезъ него познакомиться съ мѣстными достопамятностями.

— Эй, человѣкъ!

— Что прикажете-съ?

— Много у васъ здѣсь бываетъ проѣзжающихъ?

— Оченно-много-съ, отдыха нѣтъ.

— Ну, а скажи, пожалуйста, что у васъ здѣсь, въ Новгородѣ, есть самое замѣчательное?

— Да много есть замѣчательнаго-съ...

— А на-примѣръ?

— Да вотъ, хоша, примѣромъ, Волховъ: его нельзя не замѣтить; бѣдоваѣ рѣка.

— Э, братецъ, не то : ты мнѣ скажи про какіе-нибудь мѣстные продукты... ну, про рѣдкости, про памятники старины Великаго-Новгорода.

— Рѣдкостная вещь здѣсь одна-съ, пастила въ ящикахъ, рябиновая, яблочная, всякая разная-съ—на удивленіе дѣлаютъ! Памятникъ тоже одинъ, вонъ у Кремля: проѣзжать будете, увидите.

— Какой же это памятникъ?

— Чугунный-съ.

— По какому же случаю онъ воздвигнутъ?

— Да ужъ такъ, отъ начальства приказано-съ.

— Кому же памятникъ? Фу, ты какой, братецъ, безтолковый: Мар-вѣ-Посадницѣ или Минину и Пожарскому?

— Минину и Пожарскому-съ! отвѣчалъ съ неудовольствіемъ служитель, схватилъ часть посуды и оставилъ насъ однихъ въ залѣ.

— Видишь, вѣдь ты, гордое животное! глубокомысленно замѣтилъ мой собесѣдникъ:—духъ древнихъ Новгородцевъ изъ тебя вѣрно еще не вышибли! Забылъ, вѣрно, битву шелонскую? Забылъ гнѣвъ Іоанна?.. А въ-самомъ-дѣлѣ, пастила здѣсь отличная: мнѣ привозилъ одинъ здѣшний хлѣбный торговецъ—просто, я вамъ скажу, объяденье.

— Не угодно ли пожаловать? Почта готова! сказалъ нашъ почталь-
йонъ и въ то же мгновеніе раздались знакомые звуки знакомаго
рожка.

— Поѣдьте, въ-самомъ-дѣлѣ. У меня, признаться, нѣтъ охоты по
ночамъ дѣлать наблюденія, да и спать крѣпко хочется — Посмо-
трите, однакожъ! продолжалъ мой сосѣдъ проѣзжая городомъ: —
какіе здѣсь домины настроены: точно какъ у насъ въ Петербургѣ!
И гостинный дворъ; и какой мостъ прекрасный — вотъ что значитъ
близость къ столицѣ!

— Васъ, кажется, это очень удивляетъ? спросилъ я.

— Да какъ же, помилюте, въ губернскомъ городѣ—и такіа зданія!
Вѣдь это въ провинціи; понимаете ли вы, что значитъ «провинція»?

— Немножко смыслю толкъ въ этомъ, и полагаю, что здѣсь такіе
же люди какъ и вездѣ, такіа же потребности, какія и вездѣ...

— Да, толкуйте-себѣ; а мнѣ бы хотѣлось знать, промѣняли ли бы
вы Петербургъ, положимъ, хоть на городъ... ну, Царевосанчурскъ?
хотѣли ли бы вы пріобрѣсти прозвище провинціала?.. Спокойной
ночи!

Такъ заключилъ свои мудрыя рѣчи мой спутникъ я чрезвычайно-
пригласительно зѣвнулъ во весь ротъ. Эта гримаса очень-заразитель-
на: зѣвота не замедлила постигнуть и меня и оба мы погрузились
въ полу-сонъ, полу-дремоту, изрѣдка нарушаемую то визгомъ колесъ
по ненаѣзжаной еще колеѣ, то трубными звуками кондуктора, то
говоромъ ямщиковъ, суетившихся около экипажа. Наконецъ мы
очнулись, на другой день, на краю какого-то селенія, откуда откры-
вался обширный видъ на роскошную природу, съ длинною нитью
шоссе, съ верстами и кучками щебня, съ сѣро-зелеными болотами
по краямъ дороги, и съ сѣрыми облаками въ воздухѣ. На горизонтѣ
холмились едва примѣтныя, но тѣмъ не менѣе знаменитыя Валдайскія-
Горы, Алаунскія, то-жъ.

— Какъ жаль, замѣтилъ я:—что мы вчера скоро заснули за Новго-
родомъ и не успѣли полюбоваться знаменитымъ Бронницкимъ-Мо-
стомъ!

— А что, хорошій мостъ? Каменный? или висячій, чугунный?

— Нѣтъ, кромѣ дерева вы ничего не могли бы замѣтить, но при
всей ограниченности моихъ знаній въ архитектурикѣ, надобно признаться,
что мостъ этотъ прямо говоритъ о торжествѣ искусства.

— Деревянный мостъ и торжество искусства! эти два понятія какъ-
то худо идутъ одно къ другому... А гдѣ мы теперь, кондукторъ?

— Въ Крестцахъ.

— А что это, Крестцы, кажется городъ?

— Точно-такъ; въ Валдаѣ, коли угодно, будемъ обѣдать.

Быстро миновали мы разстояніе, отдѣляющее Крестцы отъ Валдая,
слегка только вздохнувъ въ Яжелбицахъ о томъ, что «по положенію»
намъ нельзя отвѣдать тамъ «мѣстнаго продукта»—форелей.

— Ну, что это за дрянной городишко? говорилъ ни чѣмъ недоволь-
ный мой спутникъ, остановившись въ Зимогорьѣ и принявъ его за
Валдай, въ которомъ почтовые экипажи никогда не останавливаются:
—И это уѣздный городъ?

— На баранковъ, на баранковъ! Купи, золотой, баранковъ! Купи,
золотой, у меня! Купи, поцалую!! кричала, обступивъ насъ, стая жир-

ныхъ нимфъ Валдая, старался навязать и обвѣщать насъ, со всѣхъ сторонъ, связками «мѣстнаго продукта».

Мой спутникъ гордо пошелъ на проломъ огромной ватаги бабъ и дѣвокъ, расчитилъ себѣ дорогу на лѣстницу и, умильно взглянувъ на одну пригоженькую молодицу, ласково потрепалъ ее по щечкѣ и по пухленькимъ плечикамъ. Ободренная красавица пошла за нимъ въ другую комнату, положила ему на колѣни нѣсколько мочалочныхъ снурковъ съ навязанными на нихъ кренделями и баранками и, придвинувъ свою хорошенькую рожицу къ благосклонной физиономіи пробажаго, сказала:

— На, графчикъ, на; возьми, красавецъ, себѣ въ гостинцы; возьми, золотой мой, откушай! За все про все, да за то, что потрепалъ меня, рубля серебромъ довольно, а прибавишь еще—поцалую!

— Поди ты, съ Богомъ: куда мнѣ съ твоими баранками дѣваться!

— Купи, золотой, купи ты, мой графчикъ: не даромъ же тебѣ бѣдной молодкѣ подмигивать. Купи, поневолись! Купи, золотой, поцалую!

— Да отстань же ты отъ меня, съ гнѣвомъ вскричалъ разсерженный мой спутникъ: — что ты ко мнѣ привязалась... дурочка! прибавилъ онъ, сейчасъ же, очень-ласковымъ тономъ, спохватясь, что не совсѣмъ-то ловко обошелся съ прекрасною представительницей валдайскихъ торговокъ баранками.

Но было уже поздно: оскорбленная невинность надула свѣженькія губки и вышла вонъ изъ комнаты. Женская месть избобрѣтательна: цѣлая дюжина загорѣлыхъ старухъ съ дикими воплями окружила нещедраго барина. Его называли графчикомъ, молодчикомъ, золотымъ, золотомъ, разными другими нѣжными эпитетами и угрожали ему поцалуйми давно уже недѣйственныхъ устъ. Ошеломленный ихъ доуками, путешественникъ выходилъ изъ себя, грозилъ послать за приставомъ — ни что не помогало: одно только появленіе кондуктора и провозглашеніе объ отъѣздѣ заставило разбѣжаться сладострастныхъ мегеръ.

— Каковъ народъ-то! Каковы женщины! восклицалъ обиженный путникъ:—Это дерзость! Это нестерпимо!

— Да что жь онѣ вамъ сдѣлали? За что вы на нихъ сердитесь? Онѣ были въ своемъ правѣ, предлагая вамъ купить «мѣстный продуктъ» и сопровождая свою продажу манерами, по ихъ мнѣнію, самыми убѣдительными.

Ни мое заступничество, ни вѣчный девизъ другаго «мѣстнаго продукта»: «кого люблю, того дарю — литъ въ Валдаѣ», ни красовавшаяся вывѣска «Илья Колоколовъ льетъ колоколы», долго не могли прояснить отуманенную гнѣвомъ физиономію моего спутника.

Въ такомъ напряженномъ состояніи духа онъ снова сѣлъ въ карету; перебывалъ мои замѣчанія объ «Осташахъ», Полякахъ и стрѣльцахъ—последовательно, одни за другими населявшихъ эти мѣста въ старые годы—посторонними и неестественными въ его положеніи вопросами; наконецъ приткнулся въ уголъ и захрапѣлъ.

За Валдаемъ, близъ Едрова, шоссеиная дорога пересѣкаетъ «Петровскую-Просѣку», которую великій преобразователь Россіи совершенно-прямою линіею прорубилъ между Петербургомъ и Москвою. Просѣка эта была всегда въ забвеніи и постоянно все болѣе и болѣе выходила изъ памяти народа, однакожъ, существованіе ея неоспоримо называется «Атласомъ Россійскимъ» (изд. въ 1745 году, Академіею На-

укъ), гдѣ просьба эта показана какъ на генеральной картѣ Россіи, такъ и на двухъ специальныхъ.

Дорога, прямою линією, проведена Петромъ-Великимъ не отъ самаго Петербурга, но отъ берега моря близъ Стрѣльны, гдѣ предполагалось учредить гавань. Она пересѣкала рѣки Славянку, Ижору, Тосну, Тигоду и Волховъ при селѣ Никольскомъ и тутъ предполагалось учредить новую пристань. За Волховомъ она должна была проходить селенія Городечно, Концы, Лутно, Хубецкое и пересѣчь рѣку Мсту при селеніи Дубно. Миновавъ Великую-Ниву «Просѣка» шла почти параллельно нынѣшнему пути, оставляя вправо Валдай, Едрово и Хотилово, влѣво Вышній-Волочокъ и опять вправо Торжокъ, пересѣкала Тверцу и Волгу недалеко отъ Твери, оставляя ее влѣво на самомъ близкомъ разстояніи; потомъ, вправо отъ Городни и Завидова, шла на село Ивановское и, проходя между Дмитровомъ и Клиномъ, оканчивалась у Москвы.

Почти этому же направленію слѣдуетъ и наша Петербурго-Московская желѣзная дорога.

Прелестный, хорошенькій, немножко ужъ слишкомъ однообразный городокъ, Вышній-Волочокъ, съ его каналами, шлюзами, барками, съ кудрявыми деревьями аллеи и съ веселыми на видъ фасадами, съ его хлѣбной торговлей и судорабочими промелькнулъ мимо нашихъ глазъ, какъ сновидѣніе.

Духъ противорѣчія, которымъ въ совершенствѣ обладалъ мой достопочтенный собесѣдникъ и всесокрушающія его убѣжденія, а также и собственное недовольство собой, внушили мнѣ мысль отплатить ему за споры и немножко пораззадорить. Именно въ этихъ видахъ я обратился къ нему съ такимъ замѣчаніемъ.

— Ну, вотъ, гдѣ же ваши предположенія? Вы еще вчера собирались посвятить нѣсколько минутъ наблюденіямъ и осмотрѣть Новгородъ, а вотъ мы проѣхали еще три города и вы все-таки ничего не видали, даже не прошлись пѣшкомъ впередъ по шоссе. И все это отъ того, что боитесь опоздать сѣсть въ карету, зная, что экстра-почта не будетъ васъ дожидаться, хоть вы и не хотѣли сознаться мнѣ въ этомъ.

— Кто? Я боюсь опоздать? Да помилуйте, я въ любомъ мѣстѣ отдамъ приказаніе кондуктору ждать меня три часа, онъ и будетъ ждать три часа!

— Самоувѣренность—прекрасное дѣло съ вашей стороны, но позвольте мнѣ не вѣрить въ счастливый успѣхъ.

— Вы сомнѣваетесь?

— Не сомнѣваюсь, а убѣжденъ, что ни вы не рискуете заставлять кондуктора ждать себя три часа, ни онъ не осмѣлится это исполнить.

— Ну, повѣрьте же мнѣ!

— Не могу, извините, тѣмъ болѣе, что скоро ночь и вы опять разоспитесь.

— Даю вамъ честное слово, что будетъ все по-моему, благо я выспался вдоволь, и вчера, и сегодня.

— Даю вамъ честное слово, что при малѣйшей мѣшкатности карета уѣдетъ, а вы — останетесь!

— Я?? Ха, ха, ха, ха! вотъ прекрасно! Я непременно пробуду три часа въ первомъ городѣ. Хотите парі? Какой у насъ будетъ теперь городъ?

— Торжокъ съ котлетами и сапогами.

— Торжокъ? прекрасно! Будь я не я, если по приѣздѣ въ Торжокъ не остановлюсь у Пожарской... кажется такъ?.. не съѣмъ хорошую порцію котлетъ, не пройдуся или не проѣдуся вдоль и поперекъ по городу, и на прощанье, не отъужинаю отличнѣйшимъ образомъ съ шампанскимъ и не проведу такимъ-образомъ, въ Торжкѣ, трехъ пріятныхъ часовъ. Угодно парі?

— А карета уѣдетъ!

— Угодно парі?

— Какого рода?

— Сами предпишите условія. Я отъ своего честнаго слова не отступаюся и отвѣчаю за все.

— Извольте. И такъ по приѣздѣ въ Торжокъ вы заказываете превосходный ужинъ, я пью чай и потомъ вы отправляетесь гулять на полтора часа, наконецъ возвращаетесь и ужинаете. Если кондукторъ будетъ васъ ждать, я плачу за ужинъ и за все, что бы вы тутъ ни истратили и до какой бы суммы это ни простиралось; если же мы уѣдемъ и оставимъ васъ—то...

— Какъ «оставимъ васъ?» нѣтъ, ужь не угодно ли вамъ вмѣстѣ со мной прогуляться по городу, вмѣстѣ со мной и отъужинать; вы, пожалуйста, вздумаете, сбивать съ толка кондуктора!

— Да я не хочу оставаться и терять мѣсто въ каретѣ!

— Во-первыхъ, этого не будетъ, а во-вторыхъ, если бы это и дѣйствительно могло произойти (но этого не можемъ произойти—я вамъ ручаюсь честнымъ словомъ), я обязываюсь доставить васъ самымъ комфортабельнымъ образомъ въ Москву, какъ виноватый, на свой щетъ. Согласны?

Предложеніе было довольно-щекотливое: я зналъ напередъ, что почтовой кареты намъ не видать какъ своихъ ушей, но мнѣ ужасно хотѣлось осадить дерзкую самоувѣренность моего гордеца; день-другой лишній — куда нешло! все, что-нибудь повенькое узнаешь; полторы-сутки постоянной ѣзды въ душномъ экипажѣ мнѣ порядочно надоѣли; разстояніе между Торжкомъ и Москвою не значительное и меня заманивала поѣздка въ этихъ мѣстахъ въ открытомъ экипажѣ.—Ну, нечего дѣлать! Извольте, я согласенъ!

— По-рукамъ! конечно?

— Конечно.

Въ назидательной бесѣдѣ о выборѣ блюдъ къ ужину и прочихъ атрибутовъ стола мы провели большую часть дороги и въ десять часовъ вечера вѣхали въ Торжокъ.

Напившись на-скоро чаю, мы взяли фуражки и отправились въ путь.

— Послушай, любезный кондукторъ, сказалъ спорщикъ, встрѣтившись съ нимъ въ другой комнатѣ и отводя къ окну:—вотъ тебѣ 5 руб. сер.; ты, братецъ, поужинай хорошенько, а я черезъ два часа буду—мнѣ непременно здѣсь нужно пробыть два часа. На же, возьми.

— Карета черезъ полчаса отправится.

— Знаю, знаю, любезный... На же, возьми это: черезъ два часа ты получишь еще двѣ такія же бумажки.

— Ровно черезъ полчаса карета отправится, отвѣчалъ кондукторъ, не принимая подарка.

— Да я-то, не буду здѣсь черезъ полчаса.

— Не могу знать, сударь: экстра черезъ полчаса уйдетъ.

— Сними колесо, какъ-будто въ починку—вотъ и законная причина, а вотъ это, братецъ, спрячь себѣ:—это красненькая депозитка.

— Если черезъ тридцать три минуты вы не пожалуете, а по третьему рожку послѣ того не сидите въ карету—экстра уйдетъ.

— А я??

— Останетесь.

— Онъ шутить!.. Вы, пожалуйста не беспокойтесь! сказалъ мнѣ мой товарищъ сладенькимъ, но глухимъ, голосомъ, прибавивъ къ этому тоже чрезвычайно-нѣжно:—онъ этого не сдѣлаетъ!

Въ эту минуту онъ окончательно мнѣ опротивѣлъ; но отказаться отъ прогулки съ нимъ было нельзя; храбрецъ струсилъ бы непременно, призналъ бы меня отступившимъ отъ слова и ничего бы не вышло. Но такъ-какъ подобныя сближенія не рѣдки, а между-тѣмъ судьба сводила ужъ меня съ разными людьми, то отчего жъ бы мнѣ и не поужинать вмѣстѣ съ человѣкомъ, который такъ-великолѣпно щетинится?

Нѣчего дѣлать—пошли мы по городу; извозчиковъ нѣтъ, всѣ разѣхались по домамъ; пришлось колесить пѣшкомъ. Подошли мы къ низенькому зданію гауптвахты; закутанный въ плащъ уланъ окликнулъ насъ своимъ громкимъ «кто идетъ?» За гауптвахтой мы вышли на бульваръ и въ сумракѣ ночи разслушали въ сторонѣ женскіе голоса съ носовымъ произношеніемъ буквы *н*; внизу слышались легкіе всплески волнъ на рѣкѣ, протекавшей подъ нашими ногами. Городъ расположенъ преимущественно на противоположномъ берегу; мы сошли по крутому спуску къ бревенчатому мосту, о настилку котораго разбивались водные побѣги. Та же тишина царствовала и на площади. Свѣта въ окнахъ ни гдѣ не было давно все погрузилось въ сонъ; лишь изрѣдка кое-гдѣ наталкивались мы на нѣжныя парочки, которыя шопотомъ бесѣдовали у воротъ дома какой-нибудь красавицы; лай собакъ въ сторонѣ и стукъ караульщиковъ на базарѣ, напоминали намъ, что мы не во-время вышли на прогулку. Въ одномъ только мѣстѣ мы услышали громкую бесѣду. Говорилъ, казалось, на улицѣ мужской голосъ, но словъ его разобрать мы не могли. При нашемъ приближеніи изъ окна втораго этажа раздался непонятной нами отвѣтъ:

— Я давно не «щелываню!»

— О, женщины!! воскликнулъ мужской голосъ.

— О, жен (*н* на манеръ французскаго *in*)... о-женщины!! отвѣчалъ, передразнивая его, свѣженькій серебряный голосокъ... Апчи!!! апчи!!!

— «Салфетъ вашей милости», Елена Дмитріевна! привѣтствовалъ ея чиханье мужской голосъ.

— «Красота вашей чести!» нѣжно отвѣчалъ серебряный голосокъ дѣвочки: это съ насморка, Алексѣй Петровичъ... Добро, прощайте, накалякались... до завтра—продолжала красавица и захлопнула окошко.

Въ это же мгновеніе раздались, далеко позади насъ, знакомые звуки почтового рожка и первымъ движеніемъ моего спутника было пуститься благимъ матомъ въ-припрыжку по направленію къ рѣкѣ.

— Что, бѣжать? не догоните; пойдете-себѣ шажкомъ.

— Кто? я бѣгу? не-уже-ли вы считаете меня такимъ трусомъ? не-уже-ли вы полагаете, что почтальионъ осмѣлится оставить меня въ дуракахъ?

Я былъ очень-доволенъ этимъ возраженіемъ и не хотѣлъ его разувѣрять по-пустому. Тѣмъ же слѣдомъ мы возвратились, съ грѣхомъ по-поламъ и чуть не сбившись съ дороги, въ гостинницу Пожарской.

Ужинъ нашъ ждалъ, это правда, а кареты и слѣдъ простылъ.

II.

Торжокъ.

Приготовленный моимъ спутникомъ ужинъ и полуночная встрѣча съ разъѣзжавшимися откуда-то гостями, захватившими на перепутье къ Пожарской, доставили мнѣ случай свести кой-какія знакомства и при пособіи ихъ рассмотреть довольно-поверхностно Торжокъ и его обитателей.

Вообще въ Тверской-Губерніи помѣщичьихъ крестьянъ вдвое болѣе чѣмъ государственныхъ, включая сюда же и небольшой итогъ удѣльныхъ. Однакожь большихъ селеній не много; помѣщиковъ мало: большая часть живетъ по своимъ деревнямъ; нѣкоторые на зиму переселяются въ Москву или Петербургъ. Чиновный классъ здѣшняго городского общества состоитъ изъ дворянъ, служащихъ по выборамъ, изъ чиновниковъ, занимающихъ разныя должности въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, а цвѣтъ городского населенія составляютъ уланскіе штабъ и оберъ-офицеры.

Купечество здѣшнее, чрезвычайно-богатое, занимается преимущественно хлѣбною торговлею и, разумѣется, хозяева, какъ скупщики изъ первыхъ рукъ, не могутъ не вести своихъ дѣлъ счастливо и удачно.

Я хотѣлъ сдѣлать утромъ визитъ одному очень-почтенному и почетному купцу. Въ уѣздныхъ, а иногда и въ губернскихъ, городахъ довольно назвать имя и отчество какого-нибудь лица, чтобъ призванный извозчикъ подвезъ васъ прямо къ дому того, кого вы ищете. Такъ и здѣсь, меня подвезли къ высокимъ хоромамъ и высадили у титаническихъ воротъ, окрашенныхъ черной краской. Я потянулъ за звонокъ — нѣтъ отвѣта; я потянулъ другой разъ — тотъ же успѣхъ; я еще, еще—наконецъ, черезъ десять минутъ вышла ко мнѣ здоровенная бабища, въ сарафанѣ, передникѣ, въ блестящей бѣлизны рукавахъ рубахи, въ черной косынкѣ, плотно-повязанной на головѣ, такъ-что ни одного волоска не было видно. Послѣ безчисленныхъ вопросовъ «да вамъ зачѣмъ?» «да вамъ на што?» она ввела меня въ нижній этажъ, оставила въ передней, въ которой я насчиталъ четыре огромныхъ самовара, а сама пошла докладывать хозяину, что—дескать «чужой пришелъ».

— Извините, государь мой милостивый, прошу садиться; позвольте мнѣ на-минутку докончить свое дѣло.

И съ этими словами онъ вышелъ въ другую комнату, изъ которой до меня дошли слѣдующія рѣчи, сказанныя твердымъ и громкимъ голосомъ.

— Ты!.. Ониська, живо самоваръ! А ты, хозяйка, завари скорѣе чаю, вишь гость пришелъ, да вчорошной булки отрѣжь... калачиковъ нѣтъ ли?.. А ты, сударь, я те проучу! Вѣдь уже ты у меня сидѣлъ три дня въ закутѣ, этого мало? Лѣнь должность свою исправлять? Ну, такъ я те прошкою и узнаешь какъ справки наводить, да какъ

счёты писать. Я хочу, чтобъ у меня подчиненные были въ порядкѣ; мошенниковъ не потерплю; самъ вамъ деньгами и всякимъ добромъ помогаю, а все-то имъ мало, дыравые вы мѣшки этакіе! Молодость только жаль загубить: вамъ бы порку, да порку—какъ рукой бы сняло... Смотри жъ ты у меня, парень: вотъ-те Богъ, а вотъ-те и мое слово. Мало, то-есть, малъски замѣчу я за тобой неподобныя шалости, да запущеніе дѣлъ, да такое еще что-нибудь — ну, такъ ужъ, братъ, ты на меня не пѣнь: ужъ тогда ты лучше самъ выконай себѣ яму, да и ложись въ землю... Слышалъ? помни это! Ступай же, пока... мальчишка, щенокъ!

Я въ это время успѣлъ осмотрѣть залу; она была обставлена старинною дѣдовскою мебелью; богатые зеркала висѣли въ раззолоченныхъ рамахъ, обвернутыхъ кисеей; чьи-то портреты, также изукрашенные, тоже были укутаны кисеей; огромные часы въ ящикѣ стариннаго фасона отбивали погресбальныя четверти; въ переднемъ углу стояла кивота со множествомъ образовъ въ золотыхъ окладахъ.

Вскорѣ дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась и тучный хозяинъ, провожая племянника, сказалъ: до свиданья.

Здѣсь нѣтъ обычая представлять посѣтителей, какъ говорится «съ вѣтра», хозяйкамъ дома; подобная честь дѣлается только тому, кто прямо принадлежитъ къ купеческому кругу исключенія составляютъ только тѣ лица, передъ которыми торгующее сословіе принуждено заискивать благорасположенія.

Новоторскіе горожане живутъ весьма-сосредоточенно и не развлекаютъ себя постоянно большимъ обществомъ: и занятія и заботы только о себѣ не вселяютъ въ нихъ охоты собираться на обычные у насъ бесѣды и вечера. Здѣсь каждый хозяинъ строитъ домъ только про себя; нижній этажъ занимаетъ онъ съ женой и съ сыновьями; въ верхнемъ отдѣляется часть для помѣщенія дочерей. Но главное назначеніе верхняго этажа то, что здѣсь «парадные комнаты», великолѣпно, на старинный манеръ, убранныя.

Весьма-часто зажиточный Новоторъ, у котораго денегъ — куры не клюютъ, и огромные сундуки полны серебра и золота, у котораго нѣсколько лѣтъ гниютъ цѣлые ящики бѣлья, а въ холодномъ мѣстѣ сохраняется бездна платья изъ драгоценныхъ мѣховъ, ходитъ дома и въ должность въ засаленномъ длинномъ сюртукѣ, зимою надѣваетъ заячью или волчью шубу, и только на время катанья, да въ Божій храмъ еще, накидываетъ себѣ на плеча соболя или енота.

Здѣшніе горожане, какъ кажется, не считаютъ нужнымъ дѣльное, хорошее теоретическое, образованіе для своихъ сыновей, «а храни Богъ для дочери: знаетъ грамотѣ — и довольно! А то куда, да и к чему знать по-французски, али чтò другое. Слава-Богу: наши и отцы, да и дѣды потому жъ, прожили-себѣ, въ добрый часъ будь сказано, счастливейшимъ, то-есть образомъ и безъ французскаго языка и безъ исторій. Ну, другое дѣло, отчего дитятѣ не знать кадрили, или тамъ вальцовъ, что-ли? Пускай се тѣшится на здоровье!»

Въ первомъ часу дня въ домѣ здѣшняго купца вся семья, съ чады и домочадцы, т. е. сыновья и дочери, прикащики и женская домашняя прислуга, собираются въ огромной кухнѣ. На широкомъ столѣ, обставленномъ лавками, разстилается скатерѣтка, разставляются глупокія тарелки съ вилкою, ножомъ и деревянной ложкой на каждой;